

I. Золотой дом

Нерон, как сообщает Тацит (один из крупнейших античных историков), не просто обрек христиан на муки, но «их умерщвление сопровождалось издевательствами, ибо их облачали в шкуры диких зверей, дабы они были растерзаны насмерть собаками, распинали на крестах или обреченных на смерть в огне поджигали с наступлением темноты ради ночного освещения. Для этого зрелища Нерон предоставил свои сады; тогда же он дал представление в цирке, во время которого сидел среди толпы в одежде возничего или правил упряжкой, участвуя в состязании колесниц. И хотя на христианах лежала вина и они заслуживали самой суворой кары, все же эти жестокости пробуждали сострадание к ним, ибо казалось, что их истребляют не в видах общественной пользы, а вследствие кровожадности одного Нерона» (XV, 44)*.

Итак, жизнь христиан в Риме, будущем центре католицизма, поначалу шла по наихудшему сценарию. Гонения сменяли друг друга; некоторые, подобно устроенным Диоклетианом, отличались неслыханной свирепостью. Приверженцы новой религии повсеместно подвергались притеснениям. В «Жизни Клавдия» историк Светоний пишет, что в 41 году император изгнал евреев из Рима в связи с их постоянными мятежами, провоцируемыми идеями Христа. Когда апостол Павел приблизительно после 60 года н. э. прибыл в столицу империи, старейшины еврейской общины информировали его о том, что эта «секта» повсюду наталкивается на сопротивление. Все тот же Светоний, на сей раз в «Жизни Нерона», отмечает, что на христиан были наложены взыскания: бытовали подозрения, что они практикуют черную магию.

* Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т. 1. Анналы и малые сочинения / под общ. ред. С. Л. Утченко. М. : Ладомир, 1993.

Во второй половине I века христианство — это всего лишь одно из ответвлений иудаизма, но уже обладающее собственными характерными особенностями, которые крайне непросто подвергнуть дешифровке. В «Анналах» (XV, 44) Тацит рассказывает, что по причине дурной славы христиан на них оказалось легко возложить вину за грандиозный пожар в Риме, устроенный, возможно, самим Нероном.

Дабы понять, чем объясняется такая репутация христиан, надо иметь в виду, что римская религия была, по сути, публичной, то есть политической. Уже текст архаического свода законов «Двенадцати таблиц» в обязательном порядке требовал, чтобы никто не содержал «за собственный счет ни новых, ни чужеземных богов, кроме как признаваемых государством». Соблюдая это условие, римляне беспощадно реагировали на ту или иную религию только в случае предположений о возможном политическом саботаже, который она за собою повлечет. Аспекты поведения христиан, не проповедовавших и не совершивших опасных ритуалов, казались непостижимыми. К примеру, на требование предоставить общие анкетные данные (воспользуемся современной терминологией) многие из них отказывались от самоидентификации, с тем же упорством отвергая и военную службу. Они ограничивались заявлением, что род их восходит к Иисусу Христу, но это, конечно же, воспринималось властями как недопустимый акт неповиновения.

Евреев и христиан обвиняли в ненависти к человечеству, поскольку те предпочитали жить автономными общинами, не принимали участия в общественной жизни и, более того, в религиозных церемониях, что в Риме считалось в определенной степени признаком гражданской лояльности; они отвергали идею включить их Бога в пантеон в дополнение ко всем прочим, неукоснительно придерживались недоступного пониманию римлян моноотеизма, провозглашая своего Бога единственным и истинным. На существовании религий держалась стабильность римского мира (*Pax Romana*), под сенью которого объединились бесчисленные народы и культуры; претензия христиан и евреев подрывала всю конструкцию целиком, особенно если учесть, что фигура императора воплощала собой источник двойной власти и авторитета — религиозного и государственного. Религия евреев была чуждой традиционным римским культурам. Однако христиане казались опаснее евреев, которые по крайней мере не пытались обращать в свою веру людей, а просто требовали дать им возможность отправлять иудейские храмовые обряды в рамках замкнутых общин.

Отсюда становится ясным, почему Нерон назвал их виновниками катастрофического пожара в 64 году. В каждой культуре непременно есть этническое, политическое или религиозное меньшинство, на которое проще всего взвалить ответственность за чужие преступления, воспользовавшись атмосферой злобы и неприятия, сгущающейся вокруг него.

Вместе с тем Нерон оставил глубокий след не только в истории раннего христианства.

В Риме есть одно место, выполненное особого очарования — пусть даже речь идет всего-навсего о голых стенах, — волшебный мир погруженных в безмолвие крытых кирпичных галерей-амбулакров, чей ныне весьма облезлый вид до сих пор оживляет фрагменты сохранившихся фресок и мозаик. Это Золотой дом (Domus aurea), гигантское жилое здание, возведенное по приказу Нерона.

Откуда же берется эта магия, захватывающая в плен любого, кто оказывается на месте самого пышного дворца из когда-либо задуманных? Быть может, все дело в Нероне, чье имя стало синонимом всевластия и разнужданного произвола? Во всяком случае, для меня это скорее связано с волнующими следами посетителей, которые в течение нескольких столетий, с VI по XVII век, проникали сквозь отверстия в расположенные ниже уровня земли и засыпанные землей залы. Примостившись на возвышениях в неровном свете факелов (полосы сажи все еще можно обнаружить), они напряженно разглядывали фрески, копируя орнаментальные мотивы, позднее ставшие знаменитыми «гротесками». Смешанные изображения растительных форм, фигурок людей и животных, редко переданных реалистично и почти всегда воображаемых, — фантастическая вселенная, где человек, флора и фауна сливаются в эксцентричных образах, балансирующих на грани шутки и галлюцинации. Естественно, слово «гротеск» происходит от слова «грот». Те самые подземные комнаты, заполненные почвой и отходами буквально до самого верха, превратились в гроты (их повторное обнаружение вызовет невероятный всплеск интереса, сформирует моду на памятники античности и римские руины, сравнимую с «египтоманией», которую спровоцировали наполеоновские кампании начала XIX века).

Чтобы осознать великолепие этого сооружения, достаточно представить себе, что статуя высотой 35 метров (что сопоставимо с уровнем двенадцатиэтажного дома) свободно помещалась в его вестибюле. Более чем вероятно, что от колоссальности этой фигуры и позаимствовал в Средние века свое название Колизей (Colosseo). Греческий скульптор Зенодор изваял императора

обнаженным, с солярными атрибутами; его правая рука простерта в приветственном жесте, согнутая левая — поддерживает державу. Водруженная на голову корона имеет шесть лучей (каждый длиной шесть метров), что символизирует безграничную власть и Солнце, с которым хотел бы отождествить себя человек.

Светоний уверяет, что дом имел три портика в милю длиной каждый, «пруд размером с море, обрамленный зданиями, огромными, точно города. Позади располагались виллы с полями, виноградниками, пастбищами и лесами, кишащими домашними и дикими зверями». Целая долина, в центре которой возникнет впоследствии амфитеатр Флавиев (Колизей), была покрыта водами озера — но все же Светоний явно преувеличивает, говоря о «размере с море». Изюминку добавляла многоцветность мрамора — в этом римляне превосходили всех. Материал доставляли из Испании, Нумидии, Триполитании, Египта, Азии, Греции, Галлии, Каппадокии. Все эти мраморные глыбы, различающиеся по оттенку и текстуре, уникальны по своей твердости и изяществу рисунка. В последующие века римские каменщики дадут им названия, сами по себе отсылающие к той эпохе: портасанта (святые врата), лумакелла ориентале (восточная улитка), павонацетто (павлинчик), серпентино (змеевидный, спиралевидный)... гранит обелисков, африканский гранит и — наиболее ценный сорт — красный порфир, приберегаемый для императора.

Эти чудеса ненамного пережили своего владельца. Уже его преемники на троне позабочились о том, чтобы уничтожить как можно больше свидетельств величия Нерона. Домициан распорядился снести здания на Палатинском холме, другие засыпали озеро обломками, дабы подготовить фундамент для строительства Колизея, Адриан принял решение разрушить в районе Велии — пологой седловины на стыке Палатина и Эсквилина — парадный вестибюль Дома, чтобы воздвигнуть на его месте храм в честь богинь Венеры и Ромы. Павильон на Оппиевом холме, активно посещаемый туристами в наши дни, выстоял до 104 года, пока не был частично уничтожен пожаром. Когда же Траян пожелал, чтобы на этой территории были построены термы, архитектор Аполлодор Дамасский попросил дозволения полностью ликвидировать верхние помещения, а нижние утрамбовать землей, заложив тем самым основание для новых сооружений. Свет сменился сумерками и полумраком; позолота, фрески, пестрый мрамор были погребены под слоем грунта и отбросов. Роскошь уступила место разорению и упадку; выдающийся памятник был предан забвению на несколько веков,

хотя именно благодаря такой участи произошла его частичная естественная консервация.

Цепь событий, позволившая Нерону взойти на императорский трон, повлияла на жизнь каждого римлянина. Престол достался ему рано, уже на пороге юношества. Мать Нерона, Агриппина Младшая, родила его в возрасте 23 лет (15 декабря 37 года н. э.) от нелюбимого, навязанного ей в мужья Тиберием, высокомерного и развращенного патриция (разница в возрасте между ними составляла тридцать лет) по имени Домиций, прозванного Агенобарбом из-за рыжеватого цвета бороды (эта кличка перейдет по наследству и к его сыну). В своих воспоминаниях Агриппина — по свидетельству Плиния Старшего — написала, что ребенок появился на свет ножками вперед, что было расценено как дурное предзнаменование.

Прозвище Нерон (Nero) возникнет позднее. На сабинском языке, если придерживаться точки зрения в высшей степени сведущего Авла Геллия (см. «Аттические ночи»), оно означало «сильный, смелый»; лишь впоследствии его переосмысят и император станет ассоциироваться с итальянским эпитетом *nero* — «черный», цвет мрака и преисподней.

Мать Нерона, приходившаяся сестрой Калигуле и дочерью прославленному полководцу Германику, была красива, соблазнительна, расчетлива, амбициозна, способна с блеском пользоваться всеми видами обольщения, как словесного, так и, наверное, более эффективного — своим сладострастным, полным неги телом. Агриппина, а точнее Агриппина Младшая (или Юлия Агриппина), дочь другой Агриппины — Старшей, супруги Германика, не отказывает себе ни в чем, в том числе и в кровосмесительной связи с братом Калигулой. Впрочем, в этот инцест были вовлечены и ее сестры.

В 41 году Калигулу убивают, и у кормила власти оказывается Клавдий, брат Германика и, соответственно, дядя Агриппины, считавшийся в кругу семьи и за ее пределами изрядным простофилом и марионеткой. Клавдию было уже почти пятьдесят, когда ему в жены отдали девушку пятнадцати лет от роду, за которой впоследствии протянулся шлейф непристойной известности. Мессалину, знаменитую своими гиперболическими эротическими забавами, постигнет преждевременная трагическая смерть.

Спустя всего пять месяцев после этого события Агриппина становится новоиспеченной женой Клавдия — неважно, что свершился очередной инцест, ибо император приходится братом ее отцу. Однако навязчивая идея Агриппины — Луций Домиций, причем вовсе не из-за нежной любви к своему почти уже подростку-сыну. Нет, она размышляет о целях, которых можно

было бы достичь, воспользовавшись им. Агриппина знает, что, манипулируя Луцием, сможет добраться до высот, для нее, женщины, в римском обществе недоступных.

Одним из ее первых шагов было возвращение из долгой, изнуряющей ссылки Луция Аннея Сенеки, самого блистательного из круга римских философов, тут же назначенного воспитателем и наставником Нерона. Одновременно она заставляет своего супруга и дядю, императора Клавдия, усыновить Луция Домиция, обретшего в этом качестве имя Тиберий Клавдий Нерон Друз Германник. Вслед за тем предстояло обеспечить Нерону сообразную его положению брачную партию. Едва юноше исполнилось шестнадцать, выбор пал на двенадцатилетнюю Октавию, дочь никем не оплакиваемой Мессалины. Насколько мы знаем, нрав девочки был далек от распутства ее матери.

Однако на пути к вожделенному трону Агриппина видит препятствия, которые никак нельзя сбросить со счетов. Во-первых, Клавдий, отметивший шестидесятилетний юбилей и хвастающийся завидным здоровьем. Во-вторых, Британник, робкий, замкнутый интроверт, которого вхождение Нерона в «семью» сразу же отодвинуло на вторые роли. Надлежало действовать быстро и решительно. Клавдий был отравлен грибами, до которых он был большой охотник. 13 октября 54 года семнадцатилетний Нерон был провозглашен императором с помощью толпы римлян и принимавшей участие в заговоре преторианской гвардии. Тацит сообщает, что, когда вечером того же дня, согласно военному уставу, трибун обратился к Нерону с просьбой назвать пароль для часовых, ответом ему было: *Optima mater*, то есть «лучшая из матерей» (Анналы, XIII, 2). В императорском дворце несчастный Британник теперь был совсем одинок. Там же вскоре он и погиб от яда, повторив судьбу своего отца.

Несмотря на юный возраст, император ведет себя с примерной скромностью. Достаточно упомянуть нашумевший эпизод, когда, будучи вынужденным подписать смертный приговор, Нерон воскликнул с горечью: «Лучше бы я никогда не научился писать!» Он поддерживает отношения с сенатом (у прежних императоров достаточно напряженные) на уровне безупречной корректности. В своей дебютной речи (мастерски написанной Сенекой) он заверяет патрициев, что согласился взвалить на себя императорскую ношу не только по воле армии, но и потому, что она (власть) была освящена сенатским авторитетом; говорит, что его молодость не была омыта кровью гражданских войн и семейных склок, отчего никаких обид он не питает;

добавляет с нажимом, что поставит заслон коррупции и интригам. Поистине, Нерона дней прекрасное начало.

Кроме того, наступивший в государстве мир благоприятствует торговле, способствует росту стоимости земли и недвижимости, обеспечивает солидные доходы предпринимателям, берущим подряды на большие общественные работы, снижает до минимума уровень безработицы.

Сильнейший кризис обрушивается на Рим после убийства бедного Британника. Поскольку труп юноши, быстро ставший свинцово-бледным, вызывает пагубное действие отравы, Нерон заставляет своих приближенных распустить слух, будто причиной смерти стал один из эпилептических приступов Британника, и приказывает немедленно сжечь тело на Марсовом поле. На Сенеку, знающего правду, возложена особая миссия — он должен соблюсти приличия и объяснить сенату причину столь поспешных похорон. Выдающийся интеллектуал оказывается в очередной раз на высоте: «Традиция предков наших, — заявляет он, — скрыть как можно скорее от взоров скоропостижные смерти и не продлевать боль отбытия хвалебными некрологами и чрезмерно пышными похоронами».

Агриппина поражена лютым постановлением сына: убийство Британника было совершено на ее глазах, в том же зале, где она сама отравила Клавдия. Теперь она убедилась, что Нерон в состоянии принимать серьезные решения самостоятельно и более не нуждается в ее советах. Вдобавок ко всему Нерон, пренебрегавший своей женой Октавией, прельстился вольноотпущенницей Аттой, которая совратила его своими искусствими эротическими трюками.

Буквально через пару месяцев вся эта ситуация становится нетерпимой как для сына, так и для матери. Император теперь больше прислушивается к требованиям народа, чем к мнению *лучшей из матерей*. Но Агриппина все никак не уломится. Она организовала его восхождение на престол, отравила мужа, чтобы приблизить это мгновение, а теперь неблагодарный сын фактически пытается отодвинуть ее в сторону. Сначала она пробует организовать несколько заговоров, направленных на убийство Нерона; потом, увидев безуспешность всех козней, обращается к другим средствам: пользуясь собственным шармом, она пытается совратить молодого человека, ею же самой порожденного. В свои сорок лет она все еще привлекательна и желанна, слывет непревзойденной мастерицей в любовных утехах и, как отмечает Тацит, привычна к любому бесчестью (*exercita ad omne flagitium*):

Клувиий передает, что, подстрекаемая неистовой жаждой во что бы то ни стало удержать за собою могущество, Агриппина дошла до того, что в разгар дня, и чаще всего в те часы, когда Нерон бывал разгорячен вином и обильною трапезой, представляла перед ним разряженною и готовой к кровосмесительной связи: ее страстные поцелуи и предвещавшие преступное сожительство ласки стали подмечать приближенные (Анналы, XIV, 2).*

Сенека, обеспокоенный таким оборотом дел, советует Атте, официальной любовнице Нерона, предупредить императора, что солдаты не станут подчиняться нечестивому принцепсу, совершившему святотатство. Нерон мгновенно схватывает суть переданного ему послания — отныне само присутствие матери вызывает у него отвращение, а в голове крутятся вопросы, как лучше убить Агриппину: *veneno an ferro vel qua alia vi* — ядом, холодным оружием или с помощью какой-то иной формы насилия. Расклад, однако, совсем не так прост. Никогда еще выражение «любовь-ненависть» не было настолько насыщенным смыслами. В тот миг, когда Нерон отдаляется от себя мать и отказывается ее видеть, он продолжает испытывать к ней сексуальное влечение как к женщине.

Скорее всего, хитроумная идея убийства Агриппины пришла в голову Аннекету, командующему флотом близ мыса Мизен. В марте 59 года ее приглашают на торжества в честь Минервы в Байю: вдали от Рима все будет гораздо проще. Агриппина предложение принимает и прибывает в город, где ее с радостным пылом встречает сын. Они вместе ужинают, и за столом Агриппине отведено почетное место по левую руку от императора. Закончив есть, они некоторое время беседуют на пустяковые темы, пока, наконец, женщина не просит разрешения отбыть на свой корабль. Проводив ее до трапа корабля, Нерон

*долго, не отрываясь, смотрит ей в глаза и горячо прижимает ее к груди, то ли чтобы сохранить до конца притворство, то ли, быть может, потому, что прощание с обреченной им на смерть матерью тронуло его душу, сколь бы зверской она ни была (Анналы, XIV, 4)**.*

В ночи мерцают звезды, на море штиль, кругом спокойствие (*Noctem sideribus inlustrem et placido mari quietam*). Корабль, приводимый в движение

* Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т. 1. Анналы и малые сочинения / под общ. ред. С. Л. Утченко. М. : Ладомир, 1993..

** Там же.

каторжниками-гребцами, удаляется от берега, скользя по темной поверхности недвижных вод. Агриппина, сопровождаемая служанкой Ацеронией, вышла на корму и возлегла на роскошное ложе под балдахином, даже не подозревая, что на эту непрочную крышу давят несколько квинталов (центнеров) свинцовых брусков. По условному сигналу утяжеленная крыша обрушивается вниз, но в этот момент изголовье импровизированной кровати затормаживает ее падение, а резкое колебание судна сталкивает обеих жертв за борт, в море.

Рабыня Ацерония, не осознав, в какую драматическую игру она вовлечена, начинает звать на помощь, кричит, что здесь мать императора. В итоге ее забивают веслами и палками. Более хитрая Агриппина выбирает другой путь — она молча добирается вплавь через канал до озера Лукрино.

Последствия покушения незначительны: у Агриппины только царапина на спине. Большее беспокойство в сравнении с физическим состоянием внушает ей собственное положение, несмотря на то что, будучи искушенной притворщицей, она делает вид, будто не осознает прошедшего. Агриппина отправляется с нарочным вольноотпущенником послание Нерону, в котором сообщает, что благодаря милосердию богов ей удалось спастись после инцидента.

Император, ожидавший, разумеется, совсем другого исхода, со всей ясностью улавливает подтекст и всерьез начинает опасаться мести с ее стороны. Колеблясь и сомневаясь, Нерон вызывает к себе Сенеку и префекта преторианцев Бурра. Философ спрашивает Бурра, не стоит ли приказать солдатам сразу же убить женщину, однако тот отвечает, что его люди, преданные памяти Германика, вероятнее всего, не рискнут притронуться к его дочери. Он боится, что отказ преторианцев приведет к катастрофическим политическим последствиям, и предлагает иной вариант. Ведь это командающий флотом Аникует наломал дров? Вот пусть он все и уладит. Описание знаменного матеребийства содержится в хронике Тацита:

Убийцы обступают тем временем ее ложе; первым ударил ее палкой по голове триерарх. И когда центурион стал обнажать меч, чтобы ее умертвить, она, подставив ему живот, воскликнула: «Поражай чрево!» — и тот прикончил ее, нанеся ей множество ран (Анналы, XIV, 8).*

Поговаривают, что, получив известие о смерти матери, Нерон воскликнул: «Только сегодня мне по-настоящему вручена власть». Правда это или

* Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т. 1. Анналы и малые сочинения / под общ. ред. С. Л. Утченко. М. : Ладомир, 1993.

ложь, но фраза в полной мере отражает весь гнет присутствия Агриппины, который ощущал на себе Нерон в первые пять лет своего принципата. Ныне с ним рядом оставался только Сенека — учитель, интеллектуал, философ, стремившийся удержать равновесие на тончайшей, словно лезвие ножа, нити нейтралитета. С одной стороны, он не перечит капризам молодого монарха, включая откровенно преступные; с другой — пытается увести устремления Нерона обратно — к общим благородным, далеким от подлости, идеалам. Сенека хорошо знает пути высокой нравственности: в одном из своих *Диалогов* — «О милосердии», — и прежде всего в своих ста двадцати четырех *Нравственных письмах к Луцилию*, он на высочайшем уровне проводит анализ исторической этики, набрасывает концепцию философии, устремленной к поиску добродетели и к реализации человеческой свободы в мире, отталкиваясь от внутренней, духовной свободы. Сенека прямо-таки опережает свое время, постулируя уважение к каждому живому существу, сострадание ко всем обделенным и несчастным, включая рабов.

Но как объяснить, что столь талантливый человек, проникнутый гуманистическими идеями и великодушием, занимался презренным ростовщичеством, хоть оно и сводилось лишь к «банковским ссудам»? (Снова воспользуемся современным словосочетанием.) Что едко высмеивал недавно убитого императора Клавдия в своем труде *Apokolokytosis*, который можно перевести как «Отыквление»*? Конечно, Клавдий имел репутацию глупца, что верно то верно, да и потом, именно он приговорил Сенеку к семи годам тягостного изгнания на Корсике, но издеваться над едва почившим принцепсом, так или иначе, подло. А чего стоило блестящее оправдание стремительной кремации бедняги Британника? Или поддержка, оказанная Нерону в деле убийства Агриппины? Если смотреть с императорской точки зрения, то всегда можно отыскать самому гнусному деянию подходящую политическую мотивацию. Остается только поручить эту работу величайшему (и самому озадачивающему) интеллектуалу, которым располагал в тот период Рим.

Как истолковать подобные противоречия? До некоторой степени понять это поможет старинная идея, встречавшаяся еще у Платона, — надо вознести философа на вершину государственной машины, дабы тот помогал монарху толковым советом. К тому же необходимо принять во внимание, что правление Нерона начиналось весьма безоблачно.

* Пародийный намек на традиционную церемонию обожествления (греч. *Apotheosis*) покойного императора, совершаемую римским сенатом. Прим. ред.

И не будь при нем Сенеки, все бы пошло по еще более худшему сценарию. Что касается иных обвинений в его адрес, то некоторые из них были продиктованы чистой завистью. Тем, кто упрекал Сенеку, что между его философскими сочинениями и реальной жизнью лежит пропасть, он заявлял: «Мудрец делает даже те вещи, которые сам не одобряет», — и далее, цитируя других философов, но обращаясь к самому себе, добавлял:

«Ты живешь не так, как рассуждаешь», — скажете вы. О злопыхатели, всегда набрасывающиеся на лучших из людей! В том же обвиняли и Платона, Эпикура, Зенона, ибо все они рассуждали не о том, как живут, а о том, как им следовало бы жить. Я веду речь о добродетели, а не о себе; и если ругаю пороки, то в первую очередь мои собственные: когда смогу, я стану жить, как надо (XVIII, 1).*

Сложные взаимоотношения ученика и воспитателя завершились крахом. Сенека, понимая, что его усилия тщетны, в 62 году решает удалиться на покой, чтобы вести жизнь частного лица. Он говорит своему повелителю: «Но и ты, и я уже исчерпали меру того, что принцип может пожаловать приближенному, а приближенный принять от принципа» (XIV, 54)**. Сенека предлагает, так сказать, компромиссную сделку, которой, увы, оказывается недостаточно для спасения. Через три года философ позволит впутать себя в одну из самых знаменитых и сложных интриг античности — тот самый заговор Пизона, в котором две группы — сенаторов и военных — планировали покушение на Нерона.

Сенека повел себя, как бывало не раз, с гениальным двуличием. Он не присоединился открыто к заговору. Но вместе с тем не отправил обратно и не разоблачил посланника Пизона. А вот Нерон воспользовался удобным случаем, чтобы избавиться от наставника, начинавшего доставлять ненужные хлопоты. Он послал офицера преторианской гвардии на виллу близ Аппиевой дороги, где в тот момент находился философ, с категорическим повелением императора лишить себя жизни. О смерти Сенеки Тацит написал одну из своих памятных страниц. Стоит прочесть ее целиком:

* Цит. по: Сенека. О блаженной жизни. XVIII, 1. Цит. по электронной версии с сайта: <http://webreading.ru>

** Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т. 1. Анналы и малые сочинения / под общей ред. С. Л. Утченко. М. : Ладомир, 1993.

Высказав это и подобное этому как бы для всех, он обнимает жену и, немного смягчившись по сравнению с проявленной перед этим неколебимостью, просит и умоляет ее не предаваться вечной скорби, но в созерцании его прожитой добродетельно жизни постараться найти достойное утешение, которое облегчит ей тоску о муже. Но она возражает, что сама обрекла себя смерти, и требует, чтобы ее поразила чужая рука. На это Сенека, не препятствуя ей прославить себя кончиной и побуждаемый к тому же любовью, ибо страшился оставить ту, к которой питал редкостную привязанность, беззащитною перед обидами, ответил: «Я указал на то, что могло бы примирить тебя с жизнью, но ты предпочитаешь благородную смерть; не стану завидовать возвышенности твоего деяния. Пусть мы с равным мужеством и равною твердостью расстанемся с жизнью, но в твоем конце больше величия». После этого они одновременно вскрыли себе вены на обеих руках. Но так как из старческого и ослабленного скучным питанием тела Сенеки кровь еле текла, он надрезал себе также жилы на голенях и под коленями; изнуренный жестокой болью, чтобы своими страданиями не сломить духа жены и, наблюдая ее мучения, самому не утратить стойкости, он советует ей удалиться в другой покой. И так как даже в последние мгновения его не покинуло красноречие, он вызвал писцов и продиктовал многое, что было издано; от пересказа его подлинных слов я воздержусь (XV, 63)*.

Паулина, любимая супруга Сенеки, действительно выжила чудом, успев при этом заглянуть в лицо смерти. Впрочем, некоторые полагают, что она элементарно притворилась, будто жаждет умереть, изображая верность агонизирующему мужу. Быть может, это не более чем клевета. Между тем философ, увидев, что смерть от потери крови слишком медленна, принял цикуту в подражание Сократу и вошел в раскаленную парилку, где скончалася от удушья. Ему было шестьдесят девять лет.

Еще многое можно поведать о Нероне. Хроники, посвященные ему, весьма колоритны. Они изобилуют жестокими, непристойными и анекдотическими деталями.

Из женщин наиболее заметное место в его жизни отводится Поппее Сабине, в том числе благодаря чисто авантюрному зарождению отношений

* Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т. 1. Анналы и малые сочинения / под общей ред. С. Л. Утченко. М. : Ладомир, 1993.

между ними. К началу этой связи Поппея, первым браком сочетавшаяся с Руфием Криспином, римским всадником и преторианским префектом при Клавдии, уже была супругой Марка Сальвия Отона. В результате запутанной интриги в духе Боккаччо ей удается стать хозяйкой императорского дворца и занять место рядом с принцепсом, который окончательно потерял от нее голову и был готов разойтись с Октавией. В дальнейшем это обернется отвратительной вереницей событий, замешанных на клевете и мести.

Судьба Октавии, как и всех прочих врагов Нерона, будет столь же незавидна и несчастна: изгнанная в затерянный городок, она будет задушена преторианцами после того, как ей вскроют вены рук и ног. Ее отрубленная голова будет отослана в Рим, дабы муж воочию смог убедиться в точном исполнении своих приказов. В это время Поппея уже вдохновенно царит при дворе, создавая там атмосферу беспрецедентной роскоши и великолепия (Август и Тиберий презирали любую пышность; Калигула умер ранее, чем сумел реализовать свои экстравагантные фантазии; при Клавдии повседневная жизнь дворца приобрела, как бы мы сказали сегодня, «буржуазный» облик; Октавия, отодвинутая на второй план не любившим ее супругом, не имела ни единого шанса попытаться придать двору отпечаток собственной индивидуальности).

Именно с появлением Поппеи рафинированность и блеск впервые войдут в жизнь Нерона. Император благодарен ей за это, он воспевает в стихотворных строфах ее длинные белокурые волосы и кожу лунного оттенка. Римские женщины не говорят ни о чем другом, кроме как об этих волосах и этой перламутровой коже; каждый пытается разгадать и выпытать секрет ее привлекательности, кругом кипят пересуды и сплетни. Одно только перечисление излишеств, которые позволяла себе Поппея, ввергает искушенных римлян в растерянность.

Плиний Старший в своей «Естественной истории» пишет, что в каждой поездке прекрасную и капризную императрицу сопровождал караван из четырехсот ослиц, в молоко которых она погружалась, чтобы вернуть эпидермису несравненную белизну и свежесть. Ювенал* уверяет, что она пользовалась маской, чтобы защитить лицо от прямого контакта с загрязненной внешней средой и воздухом. Наиболее правдоподобна версия, согласно которой Поппея вечерами накладывала на лицо припарки и жирные мази, регенерирующие клетки, предвосхитив тем самым косметические процедуры наших дней.

* Децим Юний Ювенал (ок. 60 — ок. 127 гг.), римский поэт-сатирик. Прим. ред.

Несмотря на такое явное самолюбование и на то, что уходу за своей внешностью Поппея уделяла колоссальное количество времени, она была женщиной умной и образованной. Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» подтверждает, что она «боялась Бога», и описывает ее как человека, «симпатизировавшего» еврейской традиции. Согласно другим источникам, Поппея, будучи любознательной и проницательной, вроде бы интересовалась христианством. Ее привлекала странность этой религии, которая преобразила в Бога бродячего пророка, распятого, как преступник, в отдаленной провинции империи.

Нам уже никогда не узнать достоверно, каков процент истины во всех этих свидетельствах, распространявшихся с разными, в том числе продиктованными конъюнктурой целями. Но неопровергимо одно: христианство, пусть и в зачаточном состоянии, пробудило живое любопытство и глубинную обеспокоенность. Новая религия пришла, подобно многим другим, с Востока. В годы, о которых мы говорим, она еще не обрела законченных черт, не оформилась полностью, хотя уже обладала совокупностью характеристик, облегчающих ее проникновение и распространение в среде низших классов, рабов и солдат. Нечто подобное, впрочем, произошло и с религией бога Митры — митраизмом, имеющим по целому ряду аспектов сходство с христианством. Вместе с тем христианство параллельно затронуло и высшие страты* римского общества, а среди приближенных самого Нерона появились первые приверженцы этой религии.

Вскоре после своего тридцатипятилетия Поппея внезапно умерла. Ходили слухи, что либо она была отравлена мужем, либо сам Нерон в приступе ярости убил ее, нанося ей ужасные удары и жестоко пиная бедную женщину. (Если верить молве, именно это произойдет потом между императором Константином и его супругой.) Какова бы ни была настоящая причина смерти, принципес распорядился, чтобы похороны были грандиозными: торжественная процессия доставила тело Поппеи на Форум, где Нерон лично возгласил *laudatio* (хвалебную речь) с той самой трибуны, где Антоний когда-то произнес некролог в честь Цезаря. Ее тело было забальзамировано, и, если верить Плинию, вся Аравия не смогла бы произвести того невероятного количества благовоний и ароматов, которые император хотел бы использовать, чтобы сохранить нетленной красоту Поппеи.

Знаменитый, во многом загадочный и непонятный пожар, который ужаснул весь Рим в 64 году н. э., — одно из ключевых событий не только

* Социальные слои, группы. *Прим. ред.*

в истории города, но и в жизни самого Нерона. Именно оно, как мы вскоре убедимся, связывает фигуру императора с зарождающимся движением христиан.

19 июля, между первым и вторым часом после полуночи, запыхавшийся гонец достиг виллы в Анции, где тогда находился Нерон, и сообщил ему, что горит Большой цирк и пламя угрожает императорскому дворцу. Примчавшись в Рим, Нерон видит, что вся территория представляет собой раскаленную жаровню, а часть его собственного жилища обратилась в пепел. Потребовалось шесть дней, чтобы усмирить огонь. В качестве превентивной меры пришлось даже снести здания в округе — этот шаг лишил огонь постоянной подпитки и возможности дальнейшего распространения. Сгорели дома и торговые лавки, храмы и святилища, включая посвященное Весте, где хранились Пенаты — символы домашнего очага и родины, символы всего римского народа, — шедевры греческого искусства и многие «античные творения». Более десяти процентов городской застройки обратилось в пепел, в том числе вся зона Форума к югу от виа Сакра.

Римляне все больше убеждались, что не кто иной, как Нерон, поджег город, и даже авторитетные свидетельства философов продолжали с упорством и настойчивостью поддерживать это мнение. В «Естественной истории» Плиний Старший фиксирует его, точно непреложный факт: «Нерон повелел спалить Рим». Той же линии придерживается и Дион Кассий: «Он захотел осуществить давно вынашиваемый им проект: разрушить еще при жизни весь Рим и империю в придачу». В VI веке моралист Боэций в «Утешении философией» напишет: «Сколько преступлений, сколько бед совершил Нерон, омерзительный монстр, сжегший столицу мира».

Однако наиболее интересующий нас в данный момент автор — это опять же историк Тацит, который в своих «Анналах» оставляет нам такое сообщение:

И вот Нерон, чтобы побороть слухи, приискдал виноватых и предал изощреннейшим казням тех, кто своими мерзостями навлек на себя всеобщую ненависть и кого толпа называла христианами. Христа, от имени которого происходит это название, казнил при Тиберию прокуратор Понтий Пилат; подавленное на время, это зловредное суеверие стало вновь прорываться наружу, и не только в Иудее, откуда пошла эта пагуба, но и в Риме, куда отовсюду стекается все наиболее гнусное и постыдное и где оно находит приверженцев. Итак, сначала были схвачены те, кто

открыто признавал себя принадлежащими к этой секте, а затем по их указаниям и великое множество прочих, изобличенных не столько в злодейством поджоге, сколько в ненависти к роду людскому (XV, 4).*

«Мерзости», «ненависть к роду людскому»... эти характеристики великий историк прилагает к христианству и его последователям по причинам, которые он попытался разъяснить в начале указанной главы. Есть мнение, хотя и не доказанное полностью, что среди этих жертв был и Петр, признанный церковью «князем апостолов».

Тацит, описывая в своем труде события полувековой давности, провозглашает: «Мы не знаем, произошло ли бедствие по чистой случайности или же по злому умыслу императора», но ниже добавляет, что пытавшимся противостоять огню угрожали люди, которые метали горящие факелы и кричали, что они выполняют приказ. Светоний еще более недвусмысленно заявляет: Нерон поджег Рим с таким нахальством, что многие сановники, даже поймав с поличным в своих владениях собственных рабов с паклей и светильниками в руках, не посмели помешать им.

Почему же император, пусть и настолько неуравновешенный, как Нерон, запяtnал себя преступлением таких масштабов, да к тому же чрезвычайно непопулярным? По мнению Тацита, его подтолкнуло к этому желание основать более совершенный город, чем уже существующий, и дать ему свое имя: Нерополис. Дион Кассий и Светоний разделяют эту гипотезу: в безумии своем, комментируют они, император завидовал Приаму, на долю которого выпало несравненное наслаждение присутствовать при разрушении своего города и царства. Эти хронисты не были прямыми очевидцами события, но убежденно пишут о том, что, в то время как разгорался пожар, император будто бы или «с театральной сцены своего дворца» (Тацит), или «с башни Мецената» (Светоний), или же «с вершины Палатина» (Дион Кассий), облаченный в одежды кифареда** и водрузивший на голову лавровый венок, воспевал разорение Трои, сравнивая «несчастья нынешние с тем далеким поражением», от которого и пошла история Рима.

Было это делом его рук или нет, но с тех пор император окончательно погрузился в безумие: он сочинял стихи и распевал их, он хотел, чтобы его запомнили как поэта и оратора, а не как вождя. Наконец, он переехал в новый

* Социальные слои, группы. *Прим. ред.*

** Древнегреческий музыкант, игравший на кифаре. *Прим. ред.*

Золотой дом, основная часть которого была уже завершена. Нерона не беспокоили известия о том, что под руководством Виндекса в Галлии и Гальбы в Испании против него восстали легионы. Подавив уже столько мятежей, разоблачив столько заговоров, действительных или мнимых, он полагал, что сумеет преодолеть и эту напасть.

Однако теперь все было не так. Раздача зерна практически сошла на нет из-за скудости и нерегулярности поставок, а Нерон потерял контакт с реальностью, что всегда является фатальным упущением для правителя.

В конце мая разражается бунт. Гальба идет маршем на Рим. Нерон снова замышляет отплытие в Египет, но верные преторианцы, всегда его сопровождавшие, на сей раз отказываются последовать за ним. Ему только-только исполнился тридцать один год, и вот впервые он остается совсем один. Он ложится в постель, но ночь полна кошмаров. Нерон встает и обнаруживает, что сбежали даже часовые, «прихватив с собой покрывала и украв все, вплоть до дароносицы с ядом». Тогда он посыпает за кем-нибудь, кто мог бы помочь ему умереть, но найти никого не удается. Светоний пишет:

Вольноотпущенник Фаон предложил ему свою усадьбу между Соляной и Номентанской дорогами, на четвертой миле от Рима. Нерон как был, босой, в одной тунике, накинув темный плащ, закутав голову и прикрыв лицо платком, вскочил на коня; с ним было лишь четверо спутников (Жизнь Нерона, XLVIII).*

Жалкий отряд тайком прибывает на виллу Фаона. Не желая въезжать через главные ворота, Нерон находит тропинку в зарослях и, порвав плащ о колючие кусты ежевики, ложится на соломенный тюфяк. После короткого отдыха он велит вырыть яму, подходящую ему по размеру, и, пока его люди выполняют порученное задание, обессиленно восклицает несколько раз с убежденностью смирившегося: *Qualis artifex pereo!*, то есть «Какой артист погибает!» Он взмолван и раздражен, он плачет и призывает немногих присутствующих покончить с собой, чтобы подбодрить его своим примером и сподвигнуть поступить так же. Никто не подчиняется. Все ускоряется, низвергается в пропасть...

* Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / пер. М. Л. Гаспарова. М. : Наука, 1993. Цит. по электронной версии с сайта: <http://www.ancientrome.ru>

Уже приближались всадники, которым было поручено захватить его живым. Заслышав их, он в трепете выговорил: «Коней, стремительно скачащих, топот мне слух поражает», — и с помощью своего советника по прошениям Этафродита вонзил себе в горло меч. Он еще дышал, когда ворвался центурион и, зажав плащом его рану, сделал вид, будто хочет ему помочь. Он только и мог ответить: «Поздно!» — и: «Вот она, верность!» — и с этими словами испустил дух. Глаза его остановились и выкатились, на них ужасно было смотреть (Жизнь Нерона, XLIX)*.

Нерон гибнет в то время, когда молодое вероучение — «христианство» — продолжает распространяться и укореняться. Христианский теолог Тертуллиан, живший и творивший в Карфагене на рубеже II и III веков, однажды, размышляя о гонениях на первых верующих, скажет так: *Semen est sanguis christianorum* — «Кровь христиан — это семя», из коего взрастут новые христиане.

* Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / пер. М. Л. Гаспарова. М. : Наука, 1993. Цит. по электронной версии с сайта: <http://www.ancientrome.ru>